

СТЕФАН СТАМБОЛОВ ТА ЙОГО ЕПОХА

УДК 327 (497.2 : 560) «188/189»: 929 Стамболов

ОТНОШЕНИЕ СТЕФАНА СТАМБОЛОВА К ТУРЕЦКО-БОЛГАРСКОМУ СБЛИЖЕНИЮ

О. А. Дубовик

Дубовик О. А. За отношението на Стефан Стамболов към турско-българското сближение. В статията се анализира отношението на Стефан Стамболов към възможностите за турско-българско сближение в периода от времето на регентството и до края политическата му кариера. Разглеждат се неговите цели, мотиви, средства, методи и резултати от проектите, свързани с развитието на отношенията със сюзерена. Прави се извод относно схващането на Стамболов за важноста и политическата изгода за България от едно сближаване с Османската империя.

Ключови думи: Стефан Стамболов; Димитър Маринов; Османска империя; турско-български дуализъм.

Дубовик О. А. Отношение Стефана Стамболова к турско-българскому сближению. Анализируется отношение Стефана Стамболова к возможностям турецко-българского сближения с периода регентства и до окончания его политической карьеры. Рассматриваются цели, мотивы, средства, методы и результаты проектов, связанных с развитием отношений с сюзереном. Делается вывод о понимании Стамболовым важности и полезности для Болгарии сближения с Османской империей.

Ключевые слова: Стефан Стамболов; Димитр Маринов; Османская империя; турецко-българский дуализм.

Dubovik O. A. Stefan Stambolov's attitude towards the Turkish-Bulgarian rapprochement. Stefan Stambolov's attitude towards Turkish-Bulgarian rapprochement from the period of regency to the end of his political career is analyzed in the article. The objectives, reasons, means, methods and results of the projects connected with development of the relations with suzerain are examined. The author draws the conclusion about Stambolov's comprehension of the importance of Bulgaria's relationships with the Ottoman Empire.

Keywords: Stefan Stambolov; Dimitr Marinov; Ottoman Empire; Turkish-Bulgarian dualism.

Стефан Стамболов (1854–1895) – личност силна и многогранна, до настоящето време извикваща как крайне негативна, так и крайне позитивна оценка в историографии. Особено это касается его внешнеполитических взглядов. В данной статье мы попытаемся рассмотреть вопрос об отношении Стамболова к турско-българскому сближению.

Данная тема впервые возникла для него в чрезвычайно интересный с точки зрения изучения вопросов сложных международных взаимоотношений период после детронации князя Александра Баттенберга в августе 1886 г. Вопрос о выборе нового князя теснейшим образом связывал Болгарию с государствами, подписавшими в 1878 г. Берлинский договор. Именно этот период вывел регента Стамболова на позицию своего рода координирующего центра и в значительной степени определил его дальнейшие внешнеполитические ориентиры.

Этот сюжет при всей его очевидной важности не получил специального исследования ни в болгарской, ни в российской историографии. Болгарская и западная историография не рассматривала специально ситуацию с поиском князя, однако в многочисленных работах о Фердинанде присутствует общая информация об интриге, связанной с предысторией его появления на болгарском престоле, возможных претендентах и т.п. Особо следует отметить построенное на глубоком изучении большого количества архивных материалов исследование Радослава Попова «Болгария на перепутье. Регентство 1886–1887»¹. Автор, в частности, упоминает идею регентов предложить персональную унию некоторым балканским правителям, в том числе и султану, который, по мнению Р. Попова, отверг «опасную авантюру», боясь осложнений в отношениях с Россией².

В российской историографии лишь в работах В.И. Косика – специалиста по проблемам политической истории Болгарии и международных отношений на Балканах в 70–80-е гг. XIX в., в особенности вопросов болгаро-русских политических контактов и

связей, эти сюжеты нашли отражение³. Необходимо отметить и работы украинского исследователя Д.В. Миколенко, посвященные Ст. Стамболову, его внешней политике, освещению данной проблематики в историографии⁴.

Говоря о политике регента, а затем и премьер-министра Стамболова, исследователи, отмечая самостоятельный характер внешнеполитического курса, останавливались в первую очередь на отношениях с Россией и европейскими державами, особенно Австро-Венгрией, обсуждался вопрос о «фильско-фобском» концепте в феномене Стамболова. Лишь А. Улуян вскользь заметил, что «С. Стамболов, являясь одним из регентов, предложил султану объявить себя болгарским царем, что дало основание ряду историков считать, что он пытался реанимировать так называемую туркофильскую идею двуединого болгаро-османского государства. Однако в действительности до сих пор не существует доказательств серьезности подобных намерений, которые в условиях Болгарии 80-х гг. XIX в. были явно не популярны у болгар»⁵. Проекты турецко-болгарского дуализма без ссылок на источники упомянуты также Бориславом Гырдевым⁶.

В результате переворота в августе 1886 г. воссоединившееся Болгарское княжество оказалось перед вопросом выбора монарха. Казалось бы, вернейший путь – вновь обратиться за помощью к извечной заступнице России, в этот раз оказался тупиковым исключительно из-за амбиций Российской империи сохранять собственные интересы в Болгарии, из-за пренебрежительного отношения к интересам болгарского народа русской дипломатии, из-за нежелания Александра III пойти на компромисс и признать право голоса за болгарской стороной, в том числе и легитимность регентства во главе с председателем Народного собрания Стамболовым, а соответственно его права «предлагать кого бы то ни было на болгарский престол, а Великое народное собрание избирать нероссийского кандидата путем голосования – тактика, свидетельствующая, что императорская дипломатия находилась в тисках «освободительной психологии», продуцирующей как бы естественное непонимание освободителей того, что освобождаемые могут стремиться к собственной национальной самостоятельности»⁷. Российский император был убежден, что вопрос о кандидатуре на княжеский престол мог быть решен только при активном участии российской дипломатии, что ни в коем случае нельзя допускать усиления ориентации Болгарии в европейском направлении. В результате такого упрямства и закоренелости мышления временное охлаждение в отношениях переросло в глубокий кризис, на десятилетие прервавший любые контакты между двумя странами.

На наш взгляд, вопрос об отношениях Болгарии со своим сюзереном представляется важным и интересным. Султан Абдул-Хамид II, серьезно увлеченный идеями панисламизма, полагал найти в этой идеологии средства и возможности укрепления личной власти в ослабленной империи. С этим желанием связано и его стремление поддерживать дружественные отношения с балканскими народами, образовавшими свои национальные государства. Сближение с балканскими соседями позволяло ему противостоять притязаниям России и Австро-Венгрии. Османская империя не понимала своей подчиненной роли в дипломатических маневрах европейских держав. Она ожидала от них союзной помощи, а получала только гарантии защиты в регионе интересов самих западных держав против России. Султану все сложнее было реагировать на многочисленные и резкие изменения в политике великих держав. В период болгарского «бескняжия» положение Османской империи было весьма сложным. С одной стороны – Болгария и великие силы, подталкивающие султана взять на себя ведущую роль в скорейшем разрешении кризисной ситуации. С другой – необходимость постоянно учитывать мнение России, ждать одобрения с ее стороны, России, занявшей, как известно, в этом вопросе крайне неудобную позицию. Роль Порты дополнялась необходимостью сглаживать конфликт между Россией и регентством. Позиция султана и его советников в большой степени также определялась и нежеланием выражать свое отношение в условиях англо-русского противоречия по балканскому вопросу.

Возможно это звучит странно, но в период поисков князя Болгарии был удобен ее вассальный статус. В письмах и донесениях дипломатических агентов того времени часто звучит воспринимаемое априори положение, что Турция «искренне желает мирным путем завершить болгарский кризис», должна предпринимать шаги «в защиту балканских государств»⁸. Выжидательная позиция султана и лояльное отношение со стороны правительств европейских государств позволяли Болгарии немного потянуть время, ре-

шая вопрос о «своем», «достойном» кандидате. При этом действовать необходимо было предельно корректно. Регентство изначально стремилось к поддержанию дружественных отношений с султаном, чтобы предотвратить его сближение с Россией. В этой ситуации декларирование своего вассального положения было весьма полезным.

С самого начала октября 1886 г. Болгария стремится убедить Османскую империю взять инициативу в свои руки, прозондировать отношение великих сил. Именно тогда Стефан Стамболов впервые напишет в своем дневнике о нерешительности султана и своей неуверенности в том, что Порта не откажется взять на себя этот трудный вопрос⁹, отметив, что в Константинополе «очень сильно русское влияние, и турки пляшут под их дудку»¹⁰. Тогда же в дневнике Стамболова появляется запись «Надежды на Европу ослабевают. Что нам делать? Уступить русским, или действовать по-старому?»¹¹. Позволим предположить, что «действовать по-старому» означало для Стамболова иметь в тылах поддержку Турции и стоящих за ней некоторых из великих сил – Австро-Венгрии и Великобритании.

Перебороть неопределенную ситуацию с кандидатурой князя стало главной задачей Стамболова в то время. В разговорах с турецким эмиссаром Гадбаном-эфенди, ратовавшим, как известно, за русское военное влияние в Княжестве как верное средство для восстановления порядка и спокойствия¹², Стамболов пытался убедить его в недопустимости попустительства султана вмешательству России в дела Болгарии, вплоть до угрозы оккупации, в необходимости защищать интересы своих вассалов¹³. Приводился убийный с точки зрения Стамболова аргумент – «мы не боимся турецкой оккупации, т.к. вы придете в Болгарию, а через 6 месяцев или год будете вынуждены уйти, а мы снова будем свободны. Но не так с оккупацией русской. Если они придут в Болгарию, то не покинут ее. И тогда мы исчезнем навсегда, а через несколько лет и Константинополь попадет в их руки. Поэтому, если спросит Европа, какую оккупацию мы предпочитаем, ответим первую»¹⁴. Таким образом, Стамболов изначально заявил свою позицию, направленную на сближение с Османской империей для противостояния России.

В то же время в дневнике Стамболова появляются и рассуждения на тему, что «в борьбе с турками Россия для нас была свята, мы относились к ней с полным и беспредельным доверием [...]. Было время, когда турки душили болгарскую свободу и народность, сегодня это хотят делать наши братья-освободители. Было время, когда зло для болгар исходило от Константинополя, теперь от Петербурга. Было время, когда мы боролись и боялись турок, сегодня это происходит с русскими. О, как изменилась ситуация: неудивительно, что изменились и симпатии болгар»¹⁵.

В газете «Свобода», выражавшей позицию регентства, а впоследствии Народнолиберальной партии Стамболова, появляется серия статей, целью которых было найти в истории подтверждение тезиса о необходимости пересмотра отношений с Россией. Так ее упрекали в том, что в 1885 г. именно она препятствовала воплощению в жизнь столь важной для болгарского народа мечты о воссоединении с Восточной Румелией – «с этого знаменитого дня 6 сентября постоянно отмечается, что политика русского правительства ориентирована против наших независимости и самостоятельности»¹⁶. В ноябрьских – декабрьских 1886 г. номерах газеты дается крайне негативная оценка русскому кандидату на болгарский престол князю Мингрельскому Николаю Давидовичу Дадияни, называемому в статьях Николаем Мингрели. Так, он характеризуется как человек малообразованный, легкомысленный, бросивший жену с детьми, растраниживший отцовское наследство, а самое главное «он знает как передать свои владения русскому царю за титулы и золото»¹⁷, что «4 января 1867 г. князь Николай Давидович преподнес [...] императору Александру II свою корону и свои права на Мингрелию, попросив императора принять его в число своих верноподданных»¹⁸. Делается соответствующий вывод, что «этот кандидат от русского правительства не является серьезным»¹⁹. В газете публиковались фрагменты из написанной на французском языке брошюры «Россия и болгарский кризис» некоего румынского депутата Александра Джуравы, убеждавшего, что «турецкий хомут деревянный, русский же из железа»²⁰.

Постоянны и упоминания об угрозе со стороны России оккупировать Болгарию «в нарушение договоров и международного права». Данный тезис прозвучал и в опубликованной в газете «Свобода» работе бельгийского социолога и экономиста Эмиля де Ловеле «Положение на Востоке»²¹. В этой же статье звучит и столь важная мысль, противопоставляющая Турцию России – «велика Болгария, признанная Европой и поддержанная, в

конец концов, даже Турцией, ей обеспечено прогрессивное и самостоятельное будущее, если удастся вырваться навсегда из-под исключительного влияния России», которая, по мнению автора, преследует цель создать «подчиненное княжество, а не освободить и дать развиваться самостоятельно, будь то сербы, или болгары [...], цель России подчинить их своей непоколебимой воле, а когда наступит момент, поглотить»²².

На рубеже 1886–1887 гг. события развивались достаточно динамично. Пока в Софии готовилась почва к появлению нового князя, предлагаемого не Россией, а ее кандидаты отвергались или отказывались сами, даже будучи избранными Великим народным собранием (Вольдемар Датский), в Европе действовала болгарская депутация. Ее руководитель Константин Стоилов почти ежедневно сообщал Стамболову о новых возможных кандидатах и об отношении к этому сложному вопросу глав и представителей европейских и балканских государств. Особого накала ситуация достигает в декабре 1886 г., когда руководитель депутации, рассказывая о теплом и любезном приеме в турецкой администрации, отмечает, что «для Болгарии лучше всего будет продолжить насколько возможно настоящее провизорное положение. Чем позже разрешится кризис, тем лучше для нас [...]. Кандидатура Кобурга пала, ибо ее никто не поддержал»²³. Но надежда найти нового кандидата не исчезала, так Стоилов сообщал из рождественской Европы, что там не допускают даже мысли о русской оккупации и о том, что европейские «дружественные нам силы желают сближения между Болгарией, Сербией и Румынией»²⁴. Из донесений Стоилова следует также, что депутация была тепло принята в балканских государствах. Стамболов ответил на эти новости вполне оптимистичным заверением, что «регентство популярно и поддержано народом, поэтому может удерживать власть еще год и более»²⁵.

В это же время благодаря рекомендациям Стамболова и активной деятельности дипломатического представителя Болгарии в Османской империи Георгия Вылковича позиция Порты становится более определенной. Так, в частности, посредством великого визиря она выразила несогласие с Россией, заявив о нежелании поддерживать кандидатуру Мингрели, так как он не устраивает болгарский народ, и заявила, что вопрос о конституции – дело самих болгар²⁶. В передовицах газеты «Свобода» в январе 1887 года радостно сообщалось, что «Высокая Порта уже не прислушивается к губительным советам Нелидова, она предложила русскому правительству отозвать кандидатуру надоевшего предателя Мингрели и предложить другого хорошего и приемлемого кандидата, искренне и усердно работать во имя благополучного разрешения болгарского кризиса, не допустив ограничения прав и свобод Болгарии»²⁷. А еще через несколько номеров газета сообщала, что Турция, еще месяц назад пытавшаяся «разными способами нас сломить и вынудить стать рабами России», изменила свою позицию, и «поняли уже турецкие государственные мужи, что помогая России поработить Болгарию, копают могилу и своей державе»²⁸. А Вылкович очень оптимистично сообщал министру иностранных дел Болгарии Начовичу, что у него была «интимная» встреча с великим визирем Камил-пашой, после которой он сделал вывод, что «турки видят в нас защитников Османской империи, а я вполне убежден, что они будут помогать нам и поддерживать при необходимости»²⁹. Определенно не в интересах Османской империи было восстановление политического влияния России в Болгарии.

Именно в это время, в период, когда почувствовалось потепление в отношениях с Османской империей, а Россия еще не предложила нового кандидата, родился заинтересовавший нас проект. Именно в контексте вышеизложенного совершенно не случайным, а вполне закономерным нам представляется появление в декабре 1886 года некоей новой идеи, плана.

Наиболее полная информация об этом содержится в написанных болгарским этнографом, писателем, одним из первых биографов Стамболова и непосредственным участником событий Димитром Мариновым (1846–1940 гг.). Заметим, что книга в жанре воспоминаний создана Мариновым и опубликована в 1909 г. Специально для завершения работы над ней он покинул пост директора Национального этнографического музея. Возможно, одной из целей книги была реабилитация Стамболова, что объясняет стиль весьма уважительных и даже восторженных воспоминаний об эпохе, о своем друге и политическом кумире. Изложенный фактический материал достаточно широко привлекается исследователями личности и дела Стамболова и представляется вполне достоверным. В воспоминаниях Маринова очень определенно выражена и позиция их автора. Так, период отсутствия князя и регентства, по его мнению, «является самой славной эпохой в современной

нашей истории, самым отрадным явлением в нашей политической жизни», ибо это время сплотило болгарский народ против посягательств «одной сильной и мощной империи», а Стамболов смог проявиться как «альфа и омега эпохи», сгруппировав вокруг себя патриотическое и болгарское. Автор воспоминаний справедливо отмечает, что этот период оценен «должным образом»³⁰.

Маринов очень высоко оценивает дипломатический успех и мудрость Стамболова в истории с выборами болгарским князем Вольдемара Датского. Он полагает, что регент идеально «просчитал» данную ситуацию: Народное собрание одобрило кандидатуру, родственно связанную с Россией, регенты действуют в полном согласии с народной волей, но избранник вежливо отказался, сославшись на занятость³¹. С этой мыслью согласен и другой современник событий Симеон Радев³². Заметим, что исследователь данного периода и событий Р. Попов не нашел документального подтверждения того, что Стамболов знал о планах отказа Вольдемара Датского³³.

Имена «странных кандидатур различных принцев», почти ежедневно возникающие в донесениях европейской депутации, по мнению Стамболова одобрять было нельзя, т.к. «им неизвестны наши нравы, наша душа; наша история, полная подвигов и самопожертвований, всегда будет для них чуждой и непонятной; идеалы, волнующие души болгар, для них просто сюжет для сладких сказок и развлечения во время пиршеств и торжеств, без возможности проникновения в глубины болгарской души. Они думают о благе своей династии, а благо нашего народа всегда будет второстепенно. Кроме этого, будучи выросшими в сытой, спокойной обстановке, [...] они никогда не станут борцами»³⁴. Так Маринов подводит к мысли о закономерности и естественности появления у Стамболова новой идеи, уверенно заявляя, что Стамболов решил поискать князя «среди кандидатов [...], которые уже сроднились с дикой природой Балканского полуострова и доказали свои государственные способности»³⁵.

Данная мысль была близка и понятна этнографу Маринову, рассуждавшему о балканских народах следующим образом: «Турки, болгары, а в некоторой степени и албанцы имеют схожие черты и душевные свойства: они откровенны, добродетельны, выносливы и несокрушимы [...]. У болгар помимо вышеупомянутых качеств есть еще одно [...] они не поддаются на соблазны, в радости и скорби умеют сдерживать себя [...]. Вот почему порой непонятно веселятся они или плачут; нельзя увидеть к кому испытывают симпатию, а к кому антипатию»³⁶. Русские агенты и консулы, по мнению Маринова, думали и верили, что понимают болгарина, но не познали его душу, поэтому и наделали ошибок, которые дорого обошлись русской чести и русскому могуществу³⁷. Именно поэтому по информации Маринова первым кандидатом, который «был серьезно обдуман и предложен Стамболовым, а кандидатура которого обсуждалась регентами после ужина 15 декабря, был султан Хамид»³⁸. Доводы Стамболова, объяснявшего свой выбор регентам, представляют большой интерес. Из текста понятно, что Маринов не присутствовал на ужине в доме регентов, беседа носила строго конфиденциальный характер. Но яркое описание встречи дает основания предположить, что впоследствии он получил подробнейшую информацию от одного из ее участников. На судьбоносном, с точки зрения Маринова, ужине присутствовали регент Георгий Живков, ранее бывший поклонником идеи турецко-болгарского дуализма, и регент Савва Муткуров, с удивлением воспринявший данный проект. Ему-то и пришлось Стамболову приводить доводы и аргументы. Рассмотрим основные из них.

На вопрос Муткурова, почему именно султан, Стамболов спокойно ответил, что «если это было возможно пятьдесят и более лет назад, то сейчас еще более возможно», а далее упоминает ратовавшего за данную идею Раковского. Стамболов убежден, что если бы турецкие правители смогли тогда понять и принять глубину этих планов, то «мы имели бы великое болгарское царство и могучую турецкую империю». Стамболов с грустью вспоминал, что, будучи молодыми и неопытными, он не одобрял и даже жестоко осуждал эту идею, но «судьба распорядилась так, что я бывший противник этих планов, должен стать их исполнителем»³⁹. Стоит заметить, что Маринов ошибочно связывал первое появление проекта с именем Саввы Раковского, на самом деле меморандум к султану о создании дуалистической турецко-болгарской монархии возник в 1866 г. в Тайном болгарском центральном комитете под председательством соратника Раковского Ивана Касабова при участии Пандели Кисимова. Раковский же от этого проекта дистанцировался. Возможно, что для Маринова упоминание имени великого Раковского придавало проекту и идее боль-

шую значимость. Мы полагаем, что именно своего рода «освящение авторитетом» стало определяющим для данной «ошибки» Маринова.

На вопрос Муткурова, как на это посмотрит болгарский народ и Народное собрание, ведь султан «по народности турок, а по вере мусульманин», Стамболов очень подробно и обстоятельно ответил: «С турками мы прожили целых пятьсот лет и это многовековое совместное проживание научило наш народ смотреть на турок и их религию трезво и рассудительно», далее приводятся тезисы о комфортном и доброжелательном совместном существовании на протяжении веков, отмечается взаимное уважение и веротерпимость, Стамболов заявляет, что «вековое совместное пребывание смешало нашу кровь»⁴⁰. Он отмечает, что болгары, лишь сменив веру, становились турецкими пашами, что янычарский корпус комплектовался исключительно из болгарских юношей, а турки брали в свои гаремы болгарских девиц, делая их женами и матерями своих детей. Если же перейти к более частному вопросу, то, по мнению Стамболова, сам султан «по крови столько же болгарин, сколько сегоднешний австрийский император венгр и чех, а значит, что он имеет право носить болгарскую корону, как австрийский император венгерскую или чешскую»⁴¹. Эта отсылка к историческому опыту Австро-Венгрии, а также упоминание о болгарских корнях султана представляются, по мнению Маринова, аргументами весьма значимыми. Стамболов заявил, что он спокоен за болгарский народ и Народное собрание, которые должны отнестись к кандидатуре «трезво и рассудительно и принять ее с готовностью, понимая благие результаты [...] для болгарского отечества»⁴².

Дальнейший разговор регентов после этих аргументов Стамболова перешел в плоскость вполне практическую. На вопрос Муткурова, как же быть с феской султана и его именем, Стамболов ответил, что феска для турок – вещь достаточно новая, что крымские султаны носили колпаки болгаро-татарские, какие татары и сегодня носят, а султан, приехав в Софию, может надеть колпак. А имя, по мнению Стамболова, можно изменить при коронации: вместо Хамид он может быть наречен Кубрат, Батбай, Аспарух, Крум, Асень – имена, «которые также не являются христианскими». По мнению Стамболова «вопрос этот мелкий и не может стать препятствием для великого дела в интересах двух народов, двух государств»⁴³. Данная мысль является, с одной стороны, чудесной иллюстрацией для характеристики самого Стамболова, которому было несвойственно задерживаться или тем более останавливаться из-за, с его точки зрения, «мелочей»; с другой стороны, еще раз подтверждает ранее звучавший в прессе, дневнике Стамболова и донесениях дипломатических представителей тезис о взаимопользности сближения как для болгар, так и для турок.

Более коварным и сложным представляется вопрос Муткурова об отношении болгарской церкви к обсуждаемой кандидатуре. Стамболов и здесь нашел ответ, сославшись на исторический эпизод из недавнего прошлого: «Если великие представители Илларион Макариопольский, Авксентий, Анфим, Панарет и другие могли упоминать при богослужении имена Азиса и Хамида, то почему бы современным не назвать имена Кубрата, Аспаруха, Крума, Асеня»⁴⁴.

Вопрос Г. Живкова «согласится ли султан стать князем, если сегодня он император»⁴⁵ повернул беседу к реальности. Но и он не смутил Стамболова, нашедшего с его точки зрения выход и из этой щекотливой ситуации, полагая что «титул не имеет значения, но, если султан увидит в нем унижение, то [...] ни минуточку не сомневаясь, мы объявим княжество царством и на голову султана водрузим императорскую (царскую) корону болгарских царей, которой у него нет, хотя и называется императором»⁴⁶. Этот вариант решения вопроса почти буквально повторяет положение меморандума 1867 г., предлагавшего поставить во главе дуалистической монархии султана, а к его титулу падишаха прибавить титул «царь болгар», а данный ответ в очередной раз характеризует Стамболова, как человека, идущего к своей цели.

Не смутил Стамболова и вопрос об отношении к проекту великих сил. По его мнению, объединение будет воспринято «с готовностью особенно теми, кто нам сочувствует и увидит в турецко-болгарском соединении окончательное решение Восточного вопроса»⁴⁷.

На сложный с правовой точки зрения вопрос о престолонаследии в конституционной Болгарии, где по закону престолонаследник – ребенок по первородству, а в абсолютистской Турции престолонаследие идет в семье по старшинству, Стамболов отвечает во вполне традиционном для него духе, что болгарскую конституцию можно исправить, или

же предложить султану изменить в этом смысле турецкую конституцию, что в конституционной Болгарии султан увидит своего рода союзника в преобразовании всей империи⁴⁸. Здесь мы вновь видим несколько аспектов – достаточно легкое отношение Стамболова к возможности изменения Тырновской конституции, его убежденность в обоюдной пользе проекта для болгарского и турецкого государств, и даже надежду на возможное одобрение великих сил, столь долго и настоятельно рекомендовавших модернизировать Османскую империю.

Вопрос Г. Живкова о том, примет ли султан настоящее предложение, представляется Стамболову мучительным. Он считает султана тонким и хитрым дипломатом, но необходимо убедить его в значении предложения, так как Стамболов сомневается, что султан сможет освободиться «от религиозных и национальных предубеждений, которые единственно могут воспрепятствовать осуществлению этого плана»⁴⁹. Именно об этом «единственном» препятствии задумываются и регенты, возлагая надежды на дипломатического представителя в Константинополе Георгия Вылковича, задачей которого станет не только самому понять задуманное, но и найти аргументы для убеждения султана.

Итогом вечера и долгого обсуждения стала фраза, вложенная Мариновым в уста Живкова, что «во всяком случае необходимо попытаться»⁵⁰. Согласившись со всеми доводами Стамболова, регенты моментально начинают действовать в направлении практического претворения проекта в жизнь. Лично Стамболовым была составлена, специальным образом зашифрована и той же ночью отправлена Вылковичу секретная телеграмма. О хорошем настроении Стамболова свидетельствовала фраза Маринова: «Стамболов затянул свою любимую песню «Чавдаре, синко, Чавдаре» и отправился в свою комнату»⁵¹.

Далее события разворачивались не столь радужно. Через два дня была получена зашифрованная телеграмма от Вылковича, что от султана получен неудовлетворительный ответ, а подробности будут изложены в письме⁵². Маринов сокрушается, что Вылкович не смог постичь всей глубины «тайны», не было рядом с ним Стамболова, который мог бы объяснить, как привести план в исполнение и каковы могут быть последствия при его реализации⁵³. Соответственно, по мнению Маринова, Вылкович не смог донести план регентов до султана. При этом ему удалось сразу же получить аудиенцию во дворце, перевести султану телеграмму регентов, но из обширного рапорта Вылковича в изложении Маринова следует, что султан не понял план, заявил, что предвидит «большую политическую и дипломатическую бурю» и попросил дать время на размышления. Через три дня султан сообщил Вылковичу, что о проекте откуда-то узнал Александр Иванович Нелидов (в то время российский посол в Константинополе), который моментально направил записку визирю, что Россия никогда не допустит ничего подобного. Ответ султана в изложении Маринова прозвучал, что необходимо «оставить сейчас этот план, к нему не отнесутся хорошо ни силы, ни сами турки»⁵⁴. Маринов недоумевает, как Нелидов мог узнать о плане, и замечает, что султан был вынужден солгать своему визирю, заявив, что подобного плана не существует. И сам Стамболов позже, когда английский дипломатический представитель в Софии О'Конор спросил его об этом слухе, был вынужден заверить, что такая идея даже не возникала⁵⁵. Маринов настаивает, что план существовал и для его претворения в жизнь был сделан первый шаг, но из-за нерешительности султана и недостаточного понимания идеи Вылковичем «план великого болгарина о персональной унии Болгарии и Турции, который мог окончательно решить Восточный вопрос и вернуть империи ее былое величие [...] пропал»⁵⁶.

После прочтения этого материала возникло много вопросов о существовании такого проекта. Был ли он на самом деле? Или это литературный вымысел Димитра Маринова? Почему об этом ужине нет информации ни в дневнике Стамболова, ни в других источниках? Возможно, проект был строго конфиденциальным, а поскольку не увенчался успехом, то о самой идее предпочли на время забыть. Решение действовать предельно осторожно и не афишировать план могло быть связано с пониманием, что он не встретил бы поддержки в болгарском обществе, в котором не было серьезных туркофильских настроений, а пророссийские и проавстрийские планы имели своих горячих приверженников. А может быть, это была провокация с целью подразнить Россию и заставить великие силы активнее участвовать в разрешении вопроса о новой кандидатуре? Или же план стал своего рода возможностью лишний раз засвидетельствовать лояльность по отношению к султану и империи? Ведь сближение с сюзереном, которому Болгария после воссоединения

1885 года была обязана выплачивать ежегодную денежную компенсацию, и от которого зависело решение национального вопроса, связанного с обеспечением религиозных и политических прав македонских болгар, было весьма полезно. Можем предположить также, что в 1886 г. это был определенный тактический ход Стамболова – ведь неприемлемость «русских» кандидатов и отказ султана занять вакантное место давали свободу в выборе «своего» кандидата, развязывали руки, позволяли оправдать скорый выбор Фердинанда. Стремление к самостоятельному внешнеполитическому курсу, желание найти вариант в интересах Болгарии, сама специфика личности Стамболова делают, на наш взгляд, возникновение этого проекта вполне возможным. При отмечаемом всеми исследователями прагматизме Стамболова можно говорить и об определенном авантюризме в его характере, его желании «проиграть», попробовать любые варианты. На наш взгляд именно личная обида заставила 4 января 1887 г. Стамболова сделать дневниковую запись о том, что «раболепие султана [...] поддерживает и укрепляет надежды панруссистов»⁵⁷.

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, мы решили рассмотреть отношение Стамболова к возможному сближению Болгарии и Османской империи в последующие годы.

Мысли о неудавшемся проекте не покидали Стамболова, ставшего уже премьер-министром Болгарии. В сближении с Османской империей Стамболов видел возможность мирного решения вопроса о македонских провинциях. В этом смысле он, по мнению Маринова, придерживался достаточно жесткой позиции в отношениях с балканскими соседями. Так Маринов сообщает о неофициальном посещении осенью 1889 г. Софии лидером сербских радикалов Николой Пашичем и его встрече со Стамболовым. По информации Маринова, подтверждаемой в своем исследовании специалистом по истории Сербии А.Л. Шемякиным, Пашич предлагал политический союз против Турции и совместное решение вопроса о распределении влияния в Македонии. По мнению Шемякина, «данное предложение органично вписалось в его (Н. Пашича – О. Д.) стратегию теснейшего сербско-болгарского сотрудничества»⁵⁸. Стамболов же возражал против подобного объединения, настаивая на сохранении македонских земель в составе Османской империи и предоставлении населению права самостоятельно «вершить свою судьбу»⁵⁹. Имеется информация, что с аналогичным предложением уже в 1891 г. выступал и греческий политический деятель Харилаос Трикупис. Стамболов вновь выразил свое нежелание создавать «военную конвенцию», выступил за проведение реформ в македонских землях и поспешил донести через Вылковича информацию о поступивших предложениях до султана⁶⁰. Дипломатический представитель в Белграде П. Димитров сообщал о недовольстве Трикуписа результатами посещения Стамболова, его мнению, что соглашение невозможно, т.к. «эти люди имеют свои стремления и намерения, которые мешают какому-либо сближению»⁶¹. Заметим, что действительно и в 1889, и в 1891 г. одновременно с информированием султана об опасных планах балканских правителей Стамболов, будучи политическим реалистом, решал важнейший для Болгарии и во многом зависящий от Османской империи вопрос о новых железнодорожных ветках.

О понимании важности мирного решения македонского вопроса свидетельствует и тот факт, что в разговоре с представителем турецкого банка в июне 1892 г. Стамболов вспомнил о предложении, сделанном в 1886 г. через Вылковича султану, отметив, что оно было связано с условием «дать Македонии автономию, подобную вассальному Княжеству Болгария, только без князя»⁶².

В подтверждение мысли о серьезности проекта персональной унии Д. Маринов сообщает, что Стамболов напомнил султану Абдул-Хамиду II об этом плане во время личной встречи в 1893 году, когда болгарский премьер-министр получил возможность лично рассказать об идее, а султан спросил, почему же он так и не изложил ему тогда свой план⁶³. Таким образом, Маринов подтверждает высказанную им мысль о неспособности Вылковича понять и донести идею до султана. На самом деле аудиенция была получена в июле 1892 г. Об этой встрече информации очень немного. Вероятно, это связано с тем, что, как следует из донесений П. Димитрова, ставшего после убийства Г. Вылковича дипломатическим агентом в Турции, «в особом распоряжении бюро по цензуре турецким газетам было запрещено писать об аудиенции»⁶⁴. В.И. Косик, на основании данных российских архивов, сообщает, что организованная П. Димитровым встреча продолжалась недолго, после чего «турецкая сторона была фактически принуждена принести свои извинения Петербургу в связи с 15-минутным приемом летом 1892 года Абдул Гамидом II Стамболова, подчеркнув

свою готовность не нарушать постановления Берлинского трактата»⁶⁵. А. Нелидов сообщал Н.К. Гирсу, что Абдул-Хамид заявил своему визитеру, желавшему прозондировать вопрос о признании Кобурга, что «в настоящее время исполнение этих вожелдений невозможно, надо ожидать более благоприятных обстоятельств»⁶⁶. Большое значение встрече придает Димитр Иванов, полагающий, что султан сам отправил Стамболову неофициальное приглашение посетить его, а «этот акт вежливости означал почти открытое признание политики, проводимой болгарским правительством»⁶⁷. Иванов приводит политический анекдот, рассказанный Илией Бешковым. Якобы визирь перед аудиенцией султана общался и оценивал собеседника, а входя к султану, иносказательно определял вес посетителя. После беседы со Стамболовым он сказал султану, что этого гостя весы не выдерживают⁶⁸. Данная 15-минутная аудиенция по мнению дипломатического представителя Болгарии в Константинополе долго не давала покоя представителям России и великих сил. Управляющий из г. Свиштов выразил это в письме Стамболову, поздравив с приемом у султана, написав, что простой народ восхищается Стамболовым, а у русофилов «лица пылают от злобы»⁶⁹. Из многочисленных донесений Димитрова, придававшего большое значение визиту, следует, что корреспондентам о цели визита не сообщали, а российские, французские и греческие представители в Константинополе негодовали, полагая, что цель визита категорически заявить султану, что либо он признает болгарского князя, либо провозглашается независимость Болгарии, что сближение Болгарии и Турции создавало мрачную перспективу будущей Великой Греции. Димитров передает Стамболову просьбу великого визиря не писать в официальном издании «Свобода» о визите, полагая, что, с одной стороны, Россия вмешиваться не должна; с другой стороны, лучше ее не раздражать, а Порту не ставить в трудное положение. Из донесений же Димитрова мы узнаем о ноте, составленной в Санкт-Петербурге, в которой Турции напоминалось о том, что ее существование и будущее зависит от соблюдения Берлинского договора, нарушаемого Болгарией, следовательно, султану нельзя было принимать ее премьер-министра⁷⁰.

О том, что в политике Абдул-Хамида II в конце 80-х – начале 90-х годов «предпочтение отдавалось болгарам», пишет и известный российский османист И.Л. Фадеева, полагаящая, что балканские проблемы играли существенную роль в политике султана, что османское правительство пыталось удержать в орбите своей политики и своих интересов образовавшиеся на Балканах национальные государства. Отсюда брали свое начало избирательные контакты султана с различными политическими деятелями этих стран. Абдул-Хамид II вынашивал план создания Балканского союза, в котором главная роль принадлежала бы Турции. А.И. Нелидов полагал, что цель этого союза была противостоять притязаниям извне, особенно России и Австро-Венгрии⁷¹. Мнение Фадеевой, на наш взгляд, объясняет развитие турецко-болгарских отношений в конце 1893–1894 гг. Ведь именно в это время велось активное железнодорожное строительство, создавались проекты объединения болгарских и турецких линий (Солуньской с Софийской), совместно решались культурные и религиозные задачи в македонских землях. Идея турецко-болгарского сближения стремится принять новую форму. Маринов отмечал, что «после встречи Стамболова с султаном вопрос о соглашении и скором соединении Болгарии и Турции обрел серьезную и твердую почву»⁷². В декабре 1893 г., по информации Маринова, некое доверенное лицо от имени султана попросило Стамболова «подготовить письменное изложение способа, как начать и совершить турецко-болгарское соглашение», а уже в январе 1894 г. появился и был передан софийскому комиссару «запечатанный конверт с текстом меморандума»⁷³. Текст этого секретного документа Маринов в кавычках цитирует в своих воспоминаниях. Вновь позволим себе допустить, что к моменту написания воспоминаний информация уже не была строго конфиденциальной.

Оценивая планы сближения в начале 1894 г., представилось важным и интересным сопоставить тезисы меморандума с аргументами, приводимыми автором, подписывающимся «Н» в статьях в газете «Свобода», в номерах 1375, 1386, 1388. Маринов вспоминал, что он написал эти статьи по поручению, чтобы развеять австрийские сомнения относительно целей меморандума, а также напомнить о взаимоотношениях с Турцией и взаимных интересах⁷⁴. Заметим, что статьи Стамболова в газете «Свобода» и ранее в других изданиях также подписывались буквой «N» или «Н».

Текст меморандума, приводимого Мариновым, начинается с экскурса в историю долгого совместного проживания болгар и турок⁷⁵, вновь вспоминается дело Раковско-

го, который «предложил дуализм»⁷⁶. Автор меморандума приводит принципы создания «Оттоманско-болгарской империи». Их семь, а именно: деление будущей империи на европейскую и азиатскую части; европейская часть будет представлять собой конституционную область; султан будет халифом мусульман и царем болгар; столицей европейской части будет Константинополь; официальным языком в ней будет турецко-болгарский; военные болгаро-турецкие силы будут подчиняться султану; на базе Охридской и Тырновской епархий будет образована болгарская патриархия. Идеи меморандума, однако, не получили должной оценки в Константинополе. В статье «Одно напоминание» Маринов более подробно излагает историю взаимоотношений с Османской империей и заявляет, что «как правильно отметил один турецкий государственный деятель, придет время, когда турки и болгары [...] совместно воздвигнут памятник своему общему великому герою, и несомненно они признают, что этот герой никто иной, как Раковский»⁷⁷. Эта мысль развивается в рассуждениях, что если бы турецко-болгарский дуализм был бы реализован, то не было бы ни сербо-турецкой, ни русско-турецкой войн, восстаний, материальных потерь, моральных унижений и человеческих жертв, «Турция не платила бы сегодня огромные военные компенсации и проценты, а Болгария не была бы покрыта пеплом и костями и не оплакивала бы своих дорогих сынов, которые [...] своими умом, знаниями и энергией могли возвысить Осmano-Болгарскую империю»⁷⁸.

В меморандуме 1894 г. отмечено, что «сегодня этот дуализм не может состояться, т.к. Болгария является княжеством со своей династией, но [...] политический и культурный союз совершенно возможен», и приводятся его шесть основ: политический оборонительный болгаро-турецкий союз; торговые, таможенные и почтовые договоры, ликвидирующие границы; образование европейской автономной области, управляемой султаном; использование турецко-болгарского языка в этой области; существование в ней совместных вооруженных сил, управляемых болгарским князем или султаном в зависимости от территории военных действий; соблюдение фермана относительно Экзархии и церковного школьного ведомства⁷⁹. Интересно, что в статьях в газете «Свобода» при сообщении о меморандуме данные принципы сформулированы иначе. Так, вместо политического союза упоминается лишь оборонительный договор; в случае невозможности стирания границ предполагается снижение таможенных пошлин; предлагается только обучение болгарских воинов в турецкой армии и т.д.⁸⁰. Таким образом, тон и градус требований и амбиций в газете существенно ниже по сравнению с изложением тезисов меморандума в воспоминаниях. Маринов объясняет в статье, что эти меры необходимы «для нашего взаимного спасения и величия» и заявляет, что Раковский умер, но «Стамболов является его учеником, вступившим на путь, начертанный великим учителем»⁸¹. В конце статьи выражена позиция, что турецко-болгарское единство может привлечь другие балканские государства и «таким образом возникнет балканская конфедерация под предводительством султана и Турции»⁸².

По мнению Маринова, высказанному в воспоминаниях, этот проект принципиально был принят султаном, но, «к сожалению, люди из дворца раскрыли информацию, а Вена и Петербург сделали все возможное для его срыва»⁸³. В европейской прессе появились статьи, полагавшие проект Стамболова болгарской интригой, представлявшей военную угрозу для России. В двух майских номерах газеты «Свобода» 1894 г. появилось дополнение к статье «Одно напоминание», которое также вызвало негативные отзывы в европейских газетах, под заголовком «Турецко-болгарское единство». Маринов приводит исторические доказательства миролюбивых намерений Болгарии, всегда, а не только сейчас, как полагают иностранные корреспонденты, стремившейся к сближению с Турцией, что «болгары были уверены, что освобождение России не будет добром»⁸⁴. По мнению автора статей болгарские возрожденцы «были преданы султану [...], боялись русского избавления, что, «если бы Турция выполнила Гюльханейский хатт-и-шериф и Хатт-и-хумаюн, то сейчас о религиозных и племенных симпатиях к России не было бы и речи»⁸⁵. В последние дни нахождения Стамболова на посту премьер-министра и в условиях возрождения надежд на нормализацию отношений с Россией такие смелые высказывания могли навредить Стамболову, поэтому Маринов не пишет прямо о его роли в создании проекта. В то же время желание убедить всех в необходимости турецко-болгарского сближения не остановило автора статей. Доказывая, что идея союза с Османской империей для Болгарии совсем

не нова, Маринов подчеркивает, что болгары желали сближения всегда: «сто лет назад, двадцать шесть лет назад и семь лет»⁸⁶. Так ненавязчиво Маринов напомнил о проекте дуализма 1867 г. и о проекте Стамболова 1886 г. В третьей статье Маринова в «Свободе» основной упор сделан на аргументировании целесообразности оборонительного союза, полезности знакомства с военным опытом союзников⁸⁷.

Однако «переговоры о турецко-болгарском союзе прекращены»⁸⁸. Косвенным их итогом можно считать очередную уступку султана, одобрившего издание бератов о направлении болгарских владык в Велес и Неврокоп и открытие болгарских школ в 40 общинах. Так история с меморандумом 1894 г. является еще одним примером прагматизма Стамболова, использующего различные средства и методы для получения максимально возможной выгоды в деле мирного решения македонского и фракийского вопросов.

Сравнив изложение событий в 1894 г. и в 1909 г., можно сделать интересные выводы. В воспоминаниях, написанных через 14 лет после смерти Стамболова, Маринов, желая реабилитировать своего друга, более прямолинеен. Так, он прямо заявляет, что Стамболов в 1894 г. лично давал необходимые пояснения, которые были донесены султану и приняты им⁸⁹, более открыто пишет об антироссийской политической направленности возможного союза. По мнению Маринова, именно тайный меморандум привел к новому торжеству политики Стамболова в Македонии⁹⁰. Подробное напоминание в 1909 г. о событиях 1894 г., на наш взгляд, можно объяснить тем, что Маринов при написании воспоминаний допускал мирный путь решения македонского вопроса. Уже после отставки Стамболова и его перехода в оппозицию в номере 1395 (28 мая 1894 г.) Маринов сам написал статью «За знание», в которой определил основные принципы внешней политики Народнолиберальной партии. Первый принцип: «Самая искренняя и тесная дружба с Турцией, интересы которой идентичны болгарским, а также заключение формального оборонительного и наступательного союза между Княжеством Болгария и Османской империей»⁹¹.

Аналогичные мысли прозвучали в интервью Стефана Стамболова, данном в Софии корреспонденту газеты «Berliner Tagblatt» и опубликованному 24 июля 1894 г. в газете «Свобода», № 1440: «Я всегда говорил, что Болгария не может существовать без покровительства Тройственного союза и Турции [...]. Мы нуждаемся в благоволении со стороны Турции [...]. Турция постоянно демонстрировала особое расположение к нам. Россия же целое десятилетие выступает против нас смертельным врагом»⁹².

Таким образом, идея турецко-болгарского дуализма или личной унии султана в 1886 г. возникнуть могла и определенно исходила от Стефана Стамболова. Ее можно рассматривать как политическую стратегию, как долгосрочный проект. Эта идея изначально представлялась утопичной. Россия никогда бы этого не допустила, а Турция никогда бы не решилась принять такой «подарок». Проект был для Стамболова в 1886 г. несбыточным идеалом, но попытаться было для него необходимо. Реализация идеи в 1886 г. позволила бы сблизиться с Османской империей, что давало серьезные экономические перспективы, возможность укрепить военную мощь, противостоять российскому влиянию, успешно решить вопрос о македонских землях. Возможно, внешнеполитическая ситуация (нерешительность Османской империи, категорично негативная позиция России, выжидательная тактика, нежелание явно и активно вмешиваться со стороны великих сил) и сделала данную стратегию бесперспективной, но и в этом вопросе Стамболов проявился как политик, заботящийся о национальных интересах, готовый и к достаточно жестким мерам, и к компромиссам. Димитр Маринов, на наш взгляд, на протяжении всего времени выступал своего рода ретранслятором, пропагандистом и популяризатором идеи, которую сам принимал безоговорочно. Обращение к возможности сближения в последующие годы было связано для Стамболова с пониманием необходимости мирного решения вопроса о македонских и фракийских землях, об экономической заинтересованности Болгарии в сотрудничестве с Османской империей. После отставки и гибели Стефана Стамболова политика Фердинанда была ориентирована на сближение с Россией, признание европейских государств, а в конечном итоге на создание антитурецкого балканского союза. В этом смысле воспоминания Димитра Маринова в 1909 г. звучат как напоминание об иных возможных путях решения внешнеполитических вопросов и роли в этом Стефана Стамболова.

¹ Попов Р. България на крестопът. Регентството. 1886–1887. – София: Университетско изд-во «Климент Охридски», 1991.

² Там же. – С. 261.

³ Косик В.И. Русская политика в Болгарии 1879–1894 гг. – Москва, 1991; *Его же*. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886–1894. Москва, 1993.

⁴ Миколенко Д.В. Попытки реализации идеи «Великой Болгарии» правительством С. Стамболова: реалистичный подход к решению национального вопроса или бесперспективная стратегия // Историки-слависты МГУ. – Кн. 8 «Славянский мир в поисках идентичности». – Москва: Институт славяноведения РАН, 2011. – С. 333–345; *Его же*. Македонське питання на шпальтах болгарської проурядової газети «Свобода» (1887–1894 рр.) // Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. – 2012. – Вип. 44. – С. 87–92; *Его же*. Зовнішня політика Болгарії за регентства і прем'єрства С. Стамболова в оцінці радянської історіографії 20-х рр. XX ст. // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – Чернігів, 2012. – Вип. 106. – Серія: Історичні науки № 9. – С. 33–36.

⁵ Улунян А.А. «Фильско-фобский» концепт в феномене С. Стамболова // Историки-слависты МГУ. – Кн. 6. Б.Н. Билунов. Материалы конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Б.Н. Билунова. – Москва: Издательство Московского университета, 2008. – С. 100.

⁶ Гърдев Б. Несполучливият дуализъм (Пандели Кисимов и Стамболов сондират почва за българо-турската държава). – URL: <http://liternet.bg/publish4/bggyrddev/istoria/dualizam.htm> (дата обращения: 08.08.2015).

⁷ Адлер Фр. Возрождение Интернационала. Петербург, 1919. – С. 58; Цит. по: Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). – Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. – С. 134.

⁸ Стамболов С. Дневник // Стамболов С. Личен архив. Писма, телеграми, записки, дневници. – Том 1. – София: Издателство «Отечество», 1997. – С. 229–230.

⁹ Там же. – С. 139–140.

¹⁰ Там же. – С. 144.

¹¹ Там же. – С. 147.

¹² Косик В.И. Время разрыва. – С. 19.

¹³ Стамболов С. Дневник. – С. 148.

¹⁴ Там же. – С. 149

¹⁵ Там же. – С. 214.

¹⁶ Свобода. – 1886. – Бр. 7. – 19 ноември. – С. 1.

¹⁷ Свобода. – 1886. – Бр. 5. – 12 ноември. – С. 1.

¹⁸ Свобода. – 1886. – Бр. 11. – 3 декември. – С. 1.

¹⁹ Свобода. – 1886. – Бр. 5. – 12 ноември. – С. 1.

²⁰ Свобода. – 1886. – Бр. 3. – 8 октомври. – С. 2.

²¹ Свобода. – 1886. – Бр. 5. – 12 ноември. – С. 1–3.

²² Там же. – С. 2.

²³ Стамболов С. Дневник. – С. 224.

²⁴ Там же. – С. 227.

²⁵ Там же. – С. 225.

²⁶ Там же. – С. 226–227.

²⁷ Свобода. – 1887. – Бр. 19. – 10 януари. – С. 1.

²⁸ Свобода. – 1887. – Бр. 24. – 28 януари. – С. 1.

²⁹ Стамболов С. Дневник. – С. 237.

³⁰ Маринов Д. Стефан Стамболов и новейшата ни история. Летописни спомени и очерки. – Ч. 2. – София: Издателска къща «Български писател», 1992. – С. 5–6.

³¹ Там же. – С. 49.

³² Радев С. Строителите на съвременна България. – Т. 2. – URL: <http://www.slovo.bg/showwork.php?p3?AuID=101&WorkID=9355&Level=3> (дата обращения: 08.08.2015).

³³ Попов Р. България на крестопът. – С. 213

³⁴ Маринов Д. Стефан Стамболов. – С. 63.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. – С. 8.

³⁷ Там же. – С. 9.

³⁸ Там же. – С. 63.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. – С. 65.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. – С. 65–66.

- ⁴⁴ Там же. – С. 66.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. – С. 67.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. – С. 68.
- ⁵⁴ Там же. – С. 68.
- ⁵⁵ Там же. – С. 69.
- ⁵⁶ Там же. – С. 69.
- ⁵⁷ *Стамболов С.* Дневник. – С. 240.
- ⁵⁸ *Шемякин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). – Москва: Издательство «Индрик», 1998. – С. 420.
- ⁵⁹ *Маринов Д.* Стефан Стамболов... – С. 279–280; См. также: *Матеев Е.* Държавникът Стефан Стамболов. – София: Издателска къща «Летописи», 1992. – С. 96–99.
- ⁶⁰ *Стамболов С.* Личен архив. Писма, телеграми, рапорти, доклади 1891. – Том 4. – София: Издателство «Отечество», 1997. – С. 199.
- ⁶¹ *Стамболов С.* Личен архив. Писма, телеграми, рапорти, доклади 1891. – Том 15. – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2003. – С. 399.
- ⁶² Цит. по: *Попов Б.* България на крестопът. – С. 261.
- ⁶³ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 69.
- ⁶⁴ *Стамболов С.* Личен архив. Писма, телеграми, рапорти, записки. – Том 5. – София: Издателство «Отечество», 1997. – С. 127.
- ⁶⁵ Цит. по: *Косик В.И.* Время разрыва. – С. 67.
- ⁶⁶ Там же. – С. 81.
- ⁶⁷ *Иванов Д.* Лидерът Стамболов. – София: Издателство «Сиела», 2014. – С. 92.
- ⁶⁸ Там же. – С. 93.
- ⁶⁹ *Стамболов С.* Личен архив. – Том 5. – С. 129.
- ⁷⁰ Там же. – С. 161–171.
- ⁷¹ *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм) XIX – начало XX в. – Москва: Издательство «Наука», 1985. – С. 182
- ⁷² *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 389.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. – С. 392.
- ⁷⁵ Там же. – С. 389.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Свобода. – 1894. – Бр. 1375. – 28 април. – С. 2–3.
- ⁷⁸ Свобода. – 1894. – Бр. 1375. – 28 април. – С. 2–3.
- ⁷⁹ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 390–391.
- ⁸⁰ Свобода. – 1894. – Бр. 1375. – 28 април. – С. 3.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 391.
- ⁸⁴ Свобода. – 1894. – Бр. 1386. – 12 май. – С. 3.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Свобода. – 1894. – Бр. 1388. – 14 май. – С. 3.
- ⁸⁸ *Маринов Д.* Стефан Стамболов. – С. 393.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. – С. 392.
- ⁹¹ Свобода. – 1894. – Бр. 1395. – 28 май. – С. 1.
- ⁹² Свобода. – 1894. – Бр. 1440. – 23 април. – С. 1–2.